

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94.3

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЭГЕИДА

А.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
cherednichenko@bsu.edu.ru*

Статья посвящена ряду аспектов проблемы поиска индоевропейской прародины. Опираясь на данные лингвистической палеонтологии и археологии, привлекая данные индоевропейских этногенеалогических традиций, автор приводит аргументы в пользу локализации прародины индоевропейцев в Эгейском регионе, включая юг Балкан и запад Анатолии, что согласуется с гипотезами В. Георгиева, К. Ренфрю, Дж. Мелларта. Лорд К. Ренфрю сформулировал важную идею, согласно которой ареал обитания этноса-носителя индоевропейского праязыка следует связать с одним из очагов возникновения производящей экономики. Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н.э. сформировался самостоятельный центр неолитизации. Возможно, памятники неолитических культур Балкан и Эгейды были созданы носителями говоров первобытного языкового континуума, из которого в конце IV – начале III тыс. до н.э. выделились диалекты индоевропейского праязыка. «отец» истории Геродот зафиксировал факт пребывания в V в. до н.э. в Элладе и на островах Эгейды помимо эллинов ещё и пеласгов, тирсенов (тирренов), дриопов (Геродот. История. I, 56-58; I, 146; II, 50-53, 56; V, 26; VI, 136-140; VII, 94-95; VIII, 43-44). Можно предположить, что эти этносы были потомками носителей говоров доиндоевропейского языкового континуума. Уже в I-й пол. I тыс. до н.э. в Эгейде доминировали эллины, но реликтовые эгейские этносы продолжали соседствовать с ними.

Ключевые слова: индоевропейская проблема, первобытный языковой континуум, Эгейда, индоевропейский праязык, археологические культуры эпохи неолита.

В конце XX – начале XXI вв., когда общественное сознание заполонило великое множество наукообразных мифов, индоевропеистика продолжает свой путь к решению проблемы локализации индоевропейской прародины. На фоне попыток связать прародину индоевропейцев с арктическими областями и датировать возникновение их языка и культуры эпохой верхнего палеолита исследования В.А. Сафронова, О.Н. Трубочева, В.Н. Топорова, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелид-

зе, В. Георгиева, Г. Чайлда, М. Гимбутас, К. Ренфрю, Дж. Мэллори и др. представляют большую ценность.

Заметим, что выдающийся британский археолог Гордон Чайлд был сторонником североевропейской локализации прародины индоевропейцев¹. Однако в Европе зона последнего великого оледенения простиралась на север от Судет и Карпат. Ледниковые покровы полностью освободили территории, освоенные затем людьми, только в предбореальное и бореальное время (примерно 10000–7750 лет назад)². Скандинавия, юг которой часто включают в ареал прародины германцев, была, скорее всего, освоена ими вторично, с материка и Ютландского полуострова³. Др.-герм. *skadin-aujo (откуда латинизированное Sca(n)dinavia) этимологически означает “пагубный остров” или “пагубный берег” (“Schaden-au”) ⁴. Вряд ли исконная родина могла быть названа пагубным берегом. Наличие общеиндоевропейских названий деревьев (тиса, граба, грецкого ореха), не растущих в Северной Европе, и южных животных (льва) также свидетельствует не в пользу североевропейской локализации индоевропейской прародины⁵.

Западноевропейская локализация прародины индоевропейцев сомнительна не только потому, что на Пиренейском полуострове сохранился реликтовый неиндоевропейский язык басков. Одна из древнейших археологических культур Европы эпохи неолита – культура с керамикой импрессо (в т.ч. с керамикой, выполненной в техниках кардиум, матера; VI–IV тыс. до н.э.), памятники которой найдены на берегах Адриатического, Тирренского и Балеарского морей (прежде всего, в Апулии, на Сицилии, в Лигурии, на юге Франции, в Валенсии), – была связана с балканским центром «неолитизации»⁶. Мегалитические культуры Западной Европы, в т.ч. островов Западного Средиземноморья, имеют тесные связи с более древними неолитическими и энеолитическими культурами Балкан (VII–IV тыс. до н.э.)⁷.

Согласно гипотезе, которую выдвинул сравнительно недавно британский археолог Эндрю Колин Ренфрю, барон Ренфрю из Кеймсторна, протоиндоевропейцы (праиндоевропейцы) примерно за 2000 лет до вторжения в Европу носителей так называемой «курганной культуры» (древнеямной культурно-исторической общности) обитали в Анатолии, и позднее распространились в Греции, Италии, Сицилии, по Средиземноморскому побережью Франции, Испании и Португалии. Ещё одна ветвь протоиндоевропейцев мигрировала вдоль плодородных речных долин Дуная и Рейна в Центральную и Северную Европу⁸. Гипотеза лорда К. Ренфрю во многом согласуется с точкой зрения исследователя неолитических древностей Чатал-Хююка и Хаджи-

¹ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. И.А. Емеца. М., 2007.

² Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. Г.А. Николаева; под ред. В.П. Алексеева и др. М., 1990. С. 302; Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель / Пер. с англ. В.З. Махлина; под ред. А.Н. Олейникова. Л., 1991. С. 196–197.

³ Клингт-Йенсен О. Дания до викингов / Пер. с англ. А.П. Саниной. СПб., 2003; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 29.

⁴ Трубаев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 104.

⁵ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 19–20.

⁶ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 22, 91, 101–102, 152, 232; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198, 256–258, 292–298; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации / Пер. с англ. М.В. Свиридовой-Граковой и Н.В. Ширяевой; под ред. Т.С. Пасек; предисл. А.Л. Монгайта. М., 1952. С. 308–334.

⁷ Марковин В.И. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // *Thracia Pontica. 2* / Ред. Ал. Фол, М. Лазаров, В. Попов, К. Ангелова. Ямбол, 1985. С. 164–178; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198, 246, 254, 256–273; Николова Л. Поява и разпространение на надгробните могили в Карпато-Балканския регион (ранна бронзова епоха) // *Археология (София). Год. XXXIV. 1992. № 3.* С. 1–10; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 334–433; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 115–182.

⁸ Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages // *Scientific American (New York)*. 1989. № 10. P. 82–90.

лара Джеймса Мелларта⁹. Лорд Ренфрю учел и концепцию своей коллеги по раскопкам в Ситагри в Греции Марии Гимбутас¹⁰.

М. Гимбутас выдвинула гипотезу об экспансии в конце III тыс. до н.э. в Центральную и Южную Европу из степной зоны Приуралья, Поволжья и Северного Причерноморья протоиндоевропейцев, якобы издавна занимавшихся скотоводством в степях Евразии и создавших «курганную культуру». Однако, по мнению большинства финно-угроведов, Приуралье, как и Западная Сибирь, входило в ареал прародинны финно-угорских народов¹¹. Особую проблему представляют древние индоевропейские лексические проникновения и заимствования в финно-угорских языках¹². Но они относятся не к праиндоевропейским или праиндоиранским, а ко вполне оформившимся либо индоарийским, либо иранским диалектам, т.е. могут быть датированы I тыс. до н.э. По фонетическим признакам из индоарийских диалектов можно вывести следующие заимствования и проникновения в финно-угорских языках и живых языках:

фин.-угор. *aiva «только» близко индоар. *aiva > др.-инд. eva «так, едва, только, еще, именно»;

венг. gyantar, gyanta «янтарь» восходит к индоар. *yan-t[a]r- «имя деятеля или орудия от глагольного корня yam – держать, сдерживать, соединять», ср. др.-инд. yantar- «возница», yantram «запор, связь»;

фин.-угор. *sapta «семь» восходит к индоар. *sapta «семь», а не к общеиран. *hapta > hafta;

волж.-фин. *sasar «младшая сестра, двоюродная сестра, племянница» ближе к индоар. *svasar, нежели к общеиран. *hvaḥar «сестра»;

фин.-угор. *s'asra / sasra «тысяча» восходит к диал. индоар. числительному *(sa)-jasra, близкородственному др.-инд. sa-hasra(m), или представляет собой результат стяжения индоар. праформы *sa-asra (ср. авест. hazangrem < *ha-zahra-m);

фин.-угор. *s'ata «сто» ближе к индоар. śata-, нежели к общеиран. *sata- «сто»;

фин.-угор. *s'uika «ость, щетина» восходит к индоар. śuka «ость злаков, жало»;

манс. sor, удм. sur «пиво» восходит к индоар. *suru «хмельной напиток» (ср. авест. hura, пехл. hur);

морд. эрзя sed' «мост» толкуется из др.-инд. setu- «плотина, дамба, мост» (индоар. *saitu, но ираноарийск. *haitu);

перм. *med «плата» ближе др.-инд. modha- «добыча, вознаграждение», нежели к иран. mizda- «плата» (особенности отражения вокализма корня позволяют предполагать относительно позднее время заимствования после перехода реликтового *mauda в *mod-);

фин.-угор. *tarna «трава, осока, сено» сопоставимо с др.-инд. tr'na «трава, стебель, соломинка, солома».

Приведенные лексемы свидетельствуют о том, что индоиранские заимствования в финно-угорских языках дают примеры с s в самых разных позициях. В этих позициях в общеиранском s должно было переходить в h: в анлауте перед гласным, в группе sv-, в интервокальной позиции, перед r, в конце слова. Особое отражение (s') получают палатализованные смычные j и ś. Таким образом, индоевропейская или промежуточная индоиранская и финно-угорская прародинны вряд ли могли нахо-

⁹ Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies (Washington). 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 135–149.

¹⁰ Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова. М., 2004. С. 41–59.

¹¹ Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 13–14; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд., испр., доп. М., 1985. С. 52–53; Юхас П. Тюрко-българи и маджари: Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. София, 1985. С. 46–48.

¹² Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 69–83; Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 125–135.

даться в смежных ареалах. Проблематично определять как протоиндоевропейскую или протоиндоиранскую культуру Синташта (конец III – первая четв. II тыс. до н.э.)¹³ и включать Приуралье в ареал прародины индоевропейцев.

Кроме того, как убедительно доказал В.А. Сафронов, ядро древнеямной культурно-исторической общности* сложилось на рубеже IV–III тыс. до н.э. в Северном Попрутье, в степной полосе восточнокарпатских предгорий, на основе центральноевропейских культур Лендьел и воронковидных кубков, а первые курганные погребения в Сарново и Баальберге могут быть датированы последней третью IV тыс. до н.э.¹⁴. Гипотеза В.А. Сафронова об индоевропейских прародинах стала поворотным моментом в отечественных историко-археологических исследованиях, посвященных индоевропейской проблеме¹⁵. Опираясь на гипотезу Н.Д. Андреева о раннеиндоевропейском праязыке¹⁶, В.А. Сафронов обосновал локализацию раннеиндоевропейской прародины в ареале малоазийской неолитической культуры Чатал-Хююка, связал среднеиндоевропейскую прародину с ареалом энеолитической цивилизации Винча в Подунавье, а позднеиндоевропейскую прародину – с ареалами культур Лендьел и воронковидных кубков в Центральной Европе. Распад праиндоевропейской этнокультурной общности В.А. Сафронов датировал рубежом IV–III тыс. до н.э.

Гипотеза К. Ренфрю в некоторой степени согласуется с концепцией В.А. Сафронова. Однако К. Ренфрю считает, что неолитическая культура Старчево – Кёрёш – Криш – Караново в Подунавье была создана праиндоевропейцами. А В.А. Сафронов полагал, что создатели культуры Старчево – Кёрёш были носителями севернокавказских языков, поскольку они продвинулись на восток, оставляя следы в виде бугодноднестровской культуры, датируемой IV тыс. до н.э., а также следы на Днепре, на Дону (в ст. Раздорской), в Калмыкии (Джангр) и в Закавказье (шому-тепинская культура). По мнению В.А. Сафронова, культура Старчево ответственна за неолитизацию Центральной Европы, а Винча – за индоевропеизацию Европы и внедрение более интенсивных методов земледелия. Черты ареальных контактов культур Старчево – Кёрёш и Винча отразились в керамике Винчи, что свидетельствует о мирном сосуществовании носителей этих культур на последнем этапе Старчево IV. Тем не менее, детальное сравнительное исследование культур Старчево – Кёрёш и Винча – дело будущего. Заметим также, что существует гипотеза о центральноазиатском происхождении севернокавказского праязыка, а индоевропейско-севернокавказские праязыковые контакты объясняются, например, проникновением предков индоевропейцев-тохар в Центральную Азию¹⁷.

Главный оппонент Колина Ренфрю Джеймс Патрик Мэллори локализует прародину индоевропейцев в Понтийско-Каспийском регионе, что в значительной степени согласуется с гипотезой М. Гимбутас¹⁸. Однако и М. Гимбутас, и К. Ренфрю, и Дж. Мэллори, и В.А. Сафронов свои концепции построили, опираясь, в первую оче-

¹³ Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: Взгляд американца // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Ин-т археологии АН СССР. Л., 1991. С. 29–39; Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала / Уральское отделение РАН. 1996 [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.kladina.narod.ru/grigorjev/grigorjev.htm>

* В работах М. Гимбутас и К. Ренфрю древнеямной культурно-исторической общности соответствует «курганная культура».

¹⁴ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 190–205.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.

¹⁷ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки / Под ред. и с вступ. ст. В.В. Иванова. М., 1959. С. 90–108, 155–156; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 112–163; Шапошников А.К. Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенеалогических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca (Bratislava). 2004. R. 39. Č. 2. S. 97–106.

¹⁸ Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины: Пер. с англ. // Вестник древней истории (М.). 1997. № 1. С. 61–82; Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1992. P. 215–221.

редь, на результаты археологических изысканий, в то время как индоевропейская проблема – преимущественно лингвистическая¹⁹. Кроме того, всё еще не решена проблема построения «генеалогического древа» археологических культур. В.А. Сафронов предложил для решения данной проблемы выделять этническое ядро археологической культуры (керамика, погребальный обряд, металлический инвентарь, тип поселений, укреплений, жилищ, орнаментация на сосудах)²⁰. Однако, чтобы установить генетическое родство археологических культур, необходимо подтвердить генетическое родство их носителей, проведя ДНК-анализ костных останков, обнаруженных в погребениях, т.е. установив ДНК-генеалогию или генеалогию Y-хромосомы создателей той или иной археологической культуры²¹. Масштабных исследований по проблеме ДНК-генеалогии индоевропейцев пока не проводилось.

Тем не менее, К. Ренфрю сформулировал важную идею, согласно которой ареал обитания этноса-носителя индоевропейского праязыка следует связать с одним из очагов возникновения производящей экономики, что согласуется с достижениями лингвистической палеонтологии²². Таким образом, индоевропейская прародина может быть локализована на землях ближневосточного Плодородного Полумесяца, в Анатолии, Эгеиде или на Балканах. Решать индоевропейскую проблему возможно лишь в рамках сравнительно-исторического языкознания, так как из всех базовых знаковых систем протоиндоевропейского этноса реконструируется только индоевропейский праязык. Своеобразным индикатором пребывания носителей языка в каком-либо ареале является древняя ономастика региона. Объективно же связать археологическую культуру с носителями языка можно лишь при наличии надписей на артефактах²³.

Что касается времени возникновения индоевропейского праязыка, в палеолите, мезолите и неолите еще не возникли праязыки известных языковых семей. Существовал первобытный языковой континуум («banana languages»), реликтом которого является «языковая непрерывность» Новой Гвинеи²⁴. Первобытный языковой континуум Старого Света стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во 2-й пол. IV тыс. до н.э.

В самом начале III тыс. до н.э. уже обособились шумерская семья (диалекты еме-KU и еме-sal, 30–40 говоров) и афразийская (семито-хамитская) семья, довольно рано разделившаяся на древнеегипетскую группу (1 язык и около 40–50 говоров) и семитскую группу (в посл. трети III тыс. до н.э. зафиксированы клинописью аккад-

¹⁹ Одри Ж. Индоевропейский язык: Пер. с франц. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В.В. Иванова. М., 1988. С. 24–121, 532–533.

²⁰ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 56–64.

²¹ Шапошников А.К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова) / Отв. ред. Е.В. Яровой. М., 2010. С. 251–262; Клёсов А.А. Происхождение евреев с точки зрения ДНК-генеалогии // Заметки по еврейской истории. 2008. № 1 (92) – 7 (98) [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://u620.17.spylog.com/cnt?f=3&p=1&rn=0.4546501018963074>; Atkinson Q.D., Gray R.D. How old is the Indo-European language family? Illumination or more moths to the flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages / The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge, 2006. P. 91–109.

²² Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 242, 247, 272–277; Одри Ж. Индоевропейский язык. С. 24–121, 532–533.

²³ Снодграсс А.М. История Греции в свете археологии: Пер. с англ. // Вестник древней истории. 1992. № 2. С. 32–40.

²⁴ Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху / Пер. с англ. Предисл. М.В. Крюкова. Комментар. В.А. Шнирельмана, М.С. Полинской. М., 1986. С. 128–153; История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 90–93; Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. М., 1992. С. 59–66; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 48–49.

ский, эблаитский языки)²⁵. Ареал семито-хамитской прародины предположительно включал в себя Аравийскую пустыню до Нила, в т.ч. всю Аравию без долин Евфрата и Тигра и нагорий.

Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III–II тыс. до н.э. не наблюдается, хотя этот процесс мог начаться в конце IV – начале III тыс. до н.э. С XVIII в. до н.э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов (выполненные иероглифическим письмом), языка линейного письма А на Крите.

Можно согласиться с идеей А.К. Шапошникова о том, что первые родоплеменные группы носителей диалектов индоевропейского праязыка сформировались именно в Эгеиде, включая юг Балканского полуострова и Западную Анатолию, и оттуда начали расселяться по ойкумене²⁶. Еще Владимир Георгиев отмечал, что в бассейне Эгейского моря, на Балканах нет древней неиндоевропейской ономастики и других следов пребывания неиндоевропейцев²⁷. Правда, на острове Лемнос были обнаружены тирренские надписи²⁸. Но тот же В. Георгиев указал на близость языка тирренов-этрусков индоевропейским языкам²⁹. Судя по всему, Эгеида и Западная Анатолия являлись прародиной не только индоевропейских

²⁵ Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967. С. 21–29, 35–37, 44–51, 179–189; Дьяконов И.М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии): Пер. с англ., ит., нем. и фр. языков / Сост. и введение П. Маттиз; Общ. ред. и закл. статья И.М. Дьяконова. М., 1985. С. 318–349; Милитарев А.Ю. Еще раз о происхождении земледелия по данным праафразийской (прасемито-хамитской) лингвистической реконструкции // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 128–131; Милитарев А.Ю., Коган Л.Е. Об агробиологических представлениях древней Передней Азии: Термины «опылять» и «прививать» (растения) в языке древних семитов IV – начала III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 229–235; Языки Азии и Африки. Кн. III: Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки / Гл. ред. В.М. Солнцев; Отв. ред. Г.Д. Санжеев. М., 1979. С. 8–17; Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 1: Семитские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов. М., 1991. С. 6–16, 70–71, 110–111; Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 2: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов. М., 1991. С. 268–269.

²⁶ Шапошников А.К. Горная страна Судакские горы: Древнейшая ономастика Юго-Восточной Таврики // Шапошников А.К. Старый добрый болгарский Коктебель: История, филология, культура. Симферополь, 1999. С. 44–55; Шапошников А.К. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999: Посв. 70-летию академика О.Н. Трубачева / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2000. С. 192–200; Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Готия // Київська старовина (Київ). 2004. № 6 (360). С. 74–115; Шапошников А.К. Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенетических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca. 2004. R. 39. Č. 2. S. 97–106; Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания (М.). 2005. № 5. С. 30–67; Шапошников О.К. Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 354–355: Слов'янська філологія. Чернівці, 2007. С. 74–83; Шапошников-Перунко А.К. Этимология некоторых крымско-болгарских диалектных слов // В света на човека: Сборник в чест на проф. д.и.н. Иваницка Георгиева / Съставители и научни редактори Дж. Маджаров, Кр. Стоилов. Т. 2. София, 2008. С. 337–346; Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Судакского региона // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 298–316; Шапошников А.К. Дионис – *DIUO-NUSOS Диева сноха // Studia Slavica. Вип. 10: Ономастика. Топоніміка: Зб. наук. пр. / Упоряд. і відп. ред.: С. Пахомова, Я. Джоганик. Ужгород, 2009. С. 193–199; Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia 6 / Editoroky: I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, 2009. S. 303–311; Шапошников А.К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 251–262.

²⁷ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 109–110, 144–145, 247.

²⁸ Кречмер П. Тирренские надписи Лемносской стелы // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки: Пер. с англ., нем., франц. и ит. языков / Сост., ред. и предисл. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 335–338.

²⁹ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 194–197.

этносов, но и близких им по происхождению эгейских тирренов (тирсенов), участвовавших в этногенезе этрусков³⁰.

Сами эллины, вопреки расхожему мнению об их приходе на юг Балкан и острова Эгейского моря на рубеже III–II тыс. до н.э., возможно, из Подунавья или Малой Азии, считали себя потомками коренных обитателей юга Балкан и возводили своё родословие к роду сына Прометея Девкалиона, царя фессалийской Фтии (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7, 2–3; Геродот История. I, 56; Гомер. Илиада. II, 681–685; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 60; IV, 67–68; Фукидид. История. I, 2–12)³¹. «Отец истории» Геродот зафиксировал факт пребывания в V в. до н.э. в Элладе и на островах Эгеиды, не только эллинов, но и пеласгов, тирсенов (тирренов), дриопов и др. (Геродот. История. I, 56–58; I, 146; II, 50–53, 56; V, 26; VI, 136–140; VII, 94–95; VIII, 43–44). Можно предположить, что эти этносы были потомками носителей говоров доиндоевропейского языкового континуума. Уже в I–II тыс. до н.э. в Эгеиде доминировали эллины, но реликтовые эгейские этносы продолжали соседствовать с ними. Древнейшая ономастика юга Балкан и других земель бассейна Эгейского моря свидетельствует об индоевропейском происхождении или, во всяком случае, близости индоевропейцам так называемого «догреческого субстрата»³². Например, в древнейшей ономастике Эгеиды зафиксирована «догреческая» или «эгейская» основа **lar-*³³. Данную основу сохраняет, например, местное название Λάριο(σ)α, которое встречается в Фессалии, Аргосе, Аттике, на границе Элиды и Ахайи, на Крите, в Лидии, Троаде, Понте, а также в Кампании и стране гетов во Фракии. Полис Λάριο(σ)α в Фессалии имел эпитет Πελασγίς и некогда принадлежал пеласгам. Но основа **lar-* является греческой адаптацией и.-е. прототипа **lauar-* / **lawar-* ‘камень’ (ср. др.-греч. λαας). Примечательно, что миф о восстановлении человеческого рода после «Девкалионова потопа» из камней указывает на связь λαας ‘камень’ и эолийско-фригийского λαός, обозначавшего первоначально сообщество мужчин, тайный мужской союз и даже «мужской дом» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7, 2–3; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 67)³⁴. Возможно, λαοί обитали в «мужских домах», построенных из камня. Этимологически Λάριο(σ)α – ‘каменные сооружения, каменная крепость’³⁵.

Что касается механизма миграций праиндоевропейцев, как показали исследования Стефана Йорданова, его отражает обряд *Ver sacrum* («священная весна»)³⁶. Во

³⁰ Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 7–61; Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2001. С. 6–19; The Religion of the Etruscans / Ed. N. Thomson de Grummond, E. Simon. Austin, 2006. P. 1–8.

³¹ Андреев Ю.В. В ожидании «греческого чуда» // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 15–16; Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). СПб., 2002. С. 9–10; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 19–39.

³² Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958. С. 87–110; Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. С. 17–42, 165–170; Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981. С. 170–188; Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат: У истоков европейской цивилизации. Л., 1988. С. 9–42, 164–186; Huxley G.L. Achaeans and Hittites. Belfast, 1968. P. 23–29; Huxley G.L. Minoans in Greek Sources. Belfast, 1968.

³³ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 82–85.

³⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. Н.Н. Казанского и др.; общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 295–298; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. 3: Α – Π. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. P. 609–610, 619–620.

³⁵ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. С. 60, 82–85; Дуриданов И. Пеласгские топонимы на территории древней Фракии // Этимология. 1997–1999: Посв. 70-летию акад. О.Н. Трубачева / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2000. С. 40–41.

³⁶ Йорданов Ст. Обичаят «свещена пролет» у прабългарите и механизъм на преселенията им в Северното Причерноморие и на Балканите // Страници от историята на българите в Северното Причер-

время совершения инициационных ритуалов 50 юношей и 50 девушек (младшие или старшие дети в зависимости от системы минората или майората) покидали родовую общину, чтобы основать новую. Переселенцы путь держали, следуя за священной коровой. Корова, остановившись, указывала место для нового поселения (ср., например, эллинские мифы о странствиях телицы Ио). Балкано-Дунайский регион, в котором помещали индоевропейскую прародину И.М. Дьяконов, Л.А. Лелеков, Армянское нагорье, Закавказье и Северная Месопотамия, где локализовали первоначальный ареал обитания индоевропейцев В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе, Циркумпонтийский регион, с которым связывали индоевропейский этно-лингво-культурогенез Н.Я. Мерперт и Е.Н. Черных, судя по всему, были промежуточными прародинами индоевропейцев³⁷.

Реконструкция праиндоевропейской просодики показывает, что в и.-е. языке со времени его выделения из первобытного языкового континуума до первого «полураспада» (на *centum* ~ *satəm*) было в лучшем случае два ряда согласных – сильные и слабые (напряженные и ненапряженные, звонкие и глухие), а в худшем – нейтральная оппозиция согласных и по звонкости, и по придыхательности (это – наследие первобытного континуума, в котором $p \sim b \sim m$, $t \sim d \sim n$, $k \sim g \sim \eta$). Просодические признаки еще не перешли на уровень согласных и гласных. Все дальнейшие преобразования и перебои в системе согласных были вызваны особенностями перехода просодического признака на уровень консонантизма при обособлении отдельных дочерних и.-е. языков³⁸.

Представляется вполне удовлетворительным следующее объяснение возникновения и.-е. апофонии (чередования $e - a - o$). Сначала это явление фонеморфологического уровня праязыка зародилось в первобытной системе глагола для различения имперфектных и перфектных форм (соотносимых с номинативной и эргативной конструкциями), а затем, через формы типа германского причастия совершенного вида, проникло в систему имён. Апофония развилась посредством перехода просодических признаков на уровень вокализма (еще небогатого), путем превращения в отдельные фонемы прежних вариантов одной гласной фонемы в зависимости от акцента и фонетического окружения (последующие губные, носовые и плавные согласные, гласные заднего ряда в последующем слове и т.п.). Затем новообразованная лексика подверглась воздействию языковой аналогии, которая несколько редуцировала и унифицировала первоначально пёструю систему. И лишь впоследствии вступил в

номорие / Съст. и отг. ред. П. Тодоров. Велико Търново, 1996. С. 24–40; Йорданов Ст. Проблеми на постестарно-политическата и историческата етнология: Библиография, историографско и проблемно-теоретично проучване. Част първа: Въведение в проблематиката. Велико Търново, 2009. С. 232–251.

³⁷ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестник древней истории. 1980. № 3. С. 3–27; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 11–33; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления: По поводу статей И.М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4 // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 107–122; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Кн. 1–2; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейцы: О реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры // Наука и жизнь (М.). 1988. № 5. С. 120–128; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: Предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 14–39; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1 // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 3–30; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2 // Вестник древней истории 1982. № 4. С. 11–25; Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 31–37; Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология (М.). 1978. № 3. С. 9–28; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV – III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 7–36; Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 37–57.

³⁸ Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.

действие фактор повышенной частотности словоупотребления. Хронологические этапы развития и.-е. апофонии едва различимы во тьме веков. Ясно только, что индоиранская группа обособилась от основного и.-е. ареала еще до фонематизации двух вариантов фонемы типа *a* (в этой группе преобладает вокализм типа *a* с просодическими вариантами), хетто-лувийская группа обособилась чуть позже, когда два варианта корневой фонемы уже превратились в фонемы (вокализм типа *a* и *e*), немного отстоит от этого времени и обособление балтийской группы, первобытный вокализм которой также, похоже, имел только две основные фонемы (*a* и *e*). Еще позже обособились языки армянской, албанской, минойской, данайской групп, в которых фонематизация двух вариантов первичной гласной фонемы проявляется очевиднее (*a*, *e*, иногда *o*)³⁹.

Большая часть и.-е. языковых групп, имеющих вполне оформившуюся апофонию типа *e/o*, обособилась и развивалась в Эгеиде, на Балканах и в Южной Италии с окружающими её островами. Однако выделение индоевропейского праязыка из первобытной «языковой непрерывности» можно отнести, используя археологическую терминологию, не к эпохе неолита, а к энеолиту и эпохе бронзы. Таким образом, создатели неолитических культур Эгеиды были носителями говоров первобытного языкового континуума.

Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н.э. сформировался самостоятельный центр неолитизации⁴⁰. При раскопках пещеры Франтхи к северо-западу от Портохели в Арголиде получены свидетельства непрерывного обитания там людей от позднего палеолита до неолита⁴¹. В неолитических слоях обнаружены орудия труда из обсидиана, кремния и кости, каменные и глиняные статуэтки. Обсидиан, который был предметом торговли в бассейне Эгейского моря уже в конце VIII тыс. до н.э., добывался на острове Мелос⁴². Анализ обуглившихся остатков растений показал, что в раннем неолите (VII тыс. до н.э.) в Арголиде появился ячмень, в среднем неолите – пшеница. В слоях последней фазы докерамического неолита найдены кости козы и овцы и в значительно большем количестве кости свиньи, что объясняется ее одомашниванием. Памятники докерамического неолита Фессалии, связанные с древнейшими неолитическими культурами Пелопоннеса и Анатолии, датируются 2-й половиной VII тыс. до н.э.⁴³. Памятники неолитических культур на юге Балкан обнаружены в районе Олимпов (’Ολύμπος – ‘гора’, этимологически ‘пуп земли’ < и.-е. *omb(h)-/*ump-, ср. др.-греч. рефлекс ’ομφαλός ‘пуп, острый выступ, стержень, краеугольный камень’⁴⁴), т.е. Олимпа Элидского и Олимпа Фессалийского (Страбон. География. VIII, 3, 30–31). Возможно, почитание Олимпа как обители богов в эллинской и римской традициях, пред-

³⁹ Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. М., 1992. С. 59–66; Шапошников О.К. Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 354–355: Слов'янська філологія. Чернівці, 2007. С. 74–83; Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // *Studia etymologica Brunensia* 6 / Editorcy: I. Janýšková, H. Karlíková. Praha, 2009. S. 303–311.

⁴⁰ Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология. 1978. № 3. С. 20–27; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпафийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 19–23; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198. Титов В.С. Неолит Греции: Периодизация и хронология. М., 1969. 254 с.; Титов В.С. К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 123: Памятники эпохи энеолита и бронзы. М., 1970. С. 32–41.

⁴¹ Маринович Л.П. Изучение Пелопоннеса в 1967 – 1970 гг. // Вестник древней истории. 1973. № 1. С. 170–171.

⁴² Думас К. Кикладская цивилизация бронзового века в Эгеиде // Вестник древней истории. 1992. № 2. С. 143.

⁴³ Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 214; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 106–109.

⁴⁴ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 3. Paris, 1974. P. 795, 800–801.

ставления индоариев о существовании священной горы Меру в центре мира, ираноариев – о священной горе Хара Березайти (Эльбурс) восходят к доиндоевропейской древности*.

В греческой Македонии, в долине реки Вистрица, на небольшом холме Неа Никомидия в 60 км к западу от Салоник исследованы слои, представляющие ранний неолит (конец VII – 1-я пол. VI тыс. до н.э.)⁴⁵. Характерные черты культуры Неа Никомидии указывают на тесные связи с Фессалией. В нижних горизонтах Неа Никомидии преобладает керамика с покрывающим наружную поверхность розовым ангобом, сходная с посудой раннекерамического неолита Фессалии. В тесте заметна примесь известняка, как и в фессалийской керамике Протосескло. Почти у всех сосудов есть круглые, овальные, кольцевые или дискообразные основания. Основная форма сосудов – открытая или полузакрытая чаша. Края простые, и лишь у полузакрытых чаш они бывают слегка отогнуты или утолщены. Этот признак характерен и для посуды раннекерамического неолита Фессалии. В Неа Никомидии найдены сосуды с изображением человеческого лица, моделированным на шейке сосуда, ниже края. Аналогии этим сосудам найдены в Пирассосе, где лицо также моделировано в глине, в Хаджиларе, Хассуне, где антропоморфный характер сосуда подчеркивается росписью. Расписная керамика Неа Никомидии украшена красной росписью по кремовому или белому фону. Основные мотивы росписи – треугольники и квадраты с прямыми и иррегулярными краями. Аналогии расписной керамики Неа Никомидии ведут на Пелопоннес, в Нею, и в Юго-Западную Анатолию, в Хаджилар. В Неа Никомидии открыты столбовые дома крупных размеров. Столбы, служившие основаниями стен, ставились в предварительно вырытые и обмазанные глиной траншеи, к каркасу из дубовых балок прикреплялись тростниковые маты, а затем вся конструкция обмазывалась глиной. Подобные сооружения возводились в Фессалии в периоды докерамического неолита и Протосескло. Очень близка к Протосескловской пластика Неа Никомидии. Это фигурки с прямым носом, глаза у них вырезаны вкось или переданы в виде зернышек кофе. В Неа Никомидии найдены ядра от пращи из плохо обожженной глины, но нет наконечников стрел, что было характерным для всего древнейшего неолита юга Балкан. Носители неолитических культур Фессалии и Неа Никомидии выращивали пшеницу-однозернянку, пшеницу-двухзернянку, ячмень, чечевицу, горох. Таким образом, связи культуры Неа Никомидии в греческой Македонии с более древними неолитическими культурами юга Балканского полуострова и Анатолии (Чатал-Хююк, Хаджилар, ранне-неолитические культуры Пелопоннеса, Фессалии и др.) очевидны⁴⁶. С культурами фессалийского неолита связаны нео-энеолитические

* Первоначально Олимпом именовалась высочайшая в данной местности гора, на вершине которой наблюдались восход и заход небесных светил. У индоевропейцев возник в связи с этим культ гор. Священными считались горные хребты Гем, Демавенд, Гималаи и т.д. Название гор Ἰμμος (Hæmus, Гем, Стара Планина) формально образовано от др.-греч. αἶμα, -ατος «кровь» (< и.-е. *saim – «густая жидкость»), т.е. «кровь Тифона» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 6, 3). Но можно предложить этимологию из др.-инд. hema, haima < и.-е. *gheima «зима, снег» (ср. санскр. Hima-laya – «заснеженная (горная) цепь», перс. Demavend < *daimavant-) и трактовать этот ороним как напоминание о пребывании индоиранцев в древности еще и на востоке Балкан. Для названия Hæmus можно подобрать также германскую этимологию, сходную с этимологией хоронима Boehæmia < *Boio-haim-ia – «родной дом (кельтского) племени бойев» (ср. др.-англ. hām = англ. home, нем. Heim) или «(горы) Гем бойев».

⁴⁵ Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica*. 4. София, 1980. С. 5–76; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 19–23; Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 195–219; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 198–200.

⁴⁶ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комментарий Е.В. Антоновой; Предисл. Н.Я. Мерперта. М., 1982. С. 107–111; Yakar J. The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development // *Journal of Indo-European Studies* (Washington). 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 94–112.

культуры Балкано-Дунайского региона Старчево – Караново, Винча – Плочник и др. (их объединяет сходство монохромной и расписной керамики и т.д.)⁴⁷.

Подводя итоги, отметим, что, скорее всего, памятники неолитических культур Балкан и Эгейды были созданы носителями говоров первобытного языкового континуума, из которого в конце IV – начале III тыс. до н.э. выделились диалекты индоевропейского праязыка. Названия, тем более, самоназвания, родоплеменных групп носителей вышеназванных говоров не сохранились. Возможно, этногенеалогические предания эллинов сохранили память о носителях говоров доиндоевропейской «языковой непрерывности», обозначив их мифологическими именами гекатонхейров («сторуких», Ἑκατόνχῆροι) и киклопов («круглооких», Κύκλωες) (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 1, 1–2). Относительно общего вывода, заметим, что первобытный языковой континуум простирался на всю ойкумену. «Неолитическая революция» была сопряжена с активизацией процессов лингвогенеза (глоттогенеза), поскольку способствовала приросту населения, переселению молодёжи в дочерние общины (по обряду *Ver sacrum*) и появлению торговли (первоначально, меновой). Выделение праязыков известных языковых семей ошибочно удревнять. Реликты первобытного континуума в Средиземноморье и Месопотамии дожили до письменной фиксации.

THE INDO-EUROPEAN HOMELAND PROBLEM AND THE AEGEAN REGION

A.G. CHEREDNICHENKO

Belgorod National Research University

e-mail:
cherednichenko@bsu.edu.ru

The article is devoted to some aspects of the Indo-European homeland problem. According to linguistic and archaeological data the author puts in touch the Indo-European homeland with the Aegean region including Western Anatolia and the Southern Balkans (after V. Georgiev, C. Renfrew, etc.). Possibly the Indo-European proto-language was selected from the prehistoric language continuum (“banana languages”) in the end of the IV – the beginning of the III mill. B.C. The exponents of Neolithic archaeological cultures in the Aegean region were native speakers of the dialects of the prehistoric language continuum. The “Father of History” Herodotus fixed the fact of living of the Hellenes, the Pelasgians, the Tyrrheni, the Dryopes etc. in the Hellas and the Aegean isles in the V c. B.C. (Herod. I, 56-58; I, 146; II, 50-53, 56; V, 26; VI, 136-140; VII, 94-95; VIII, 43-44). It is possible to suppose that these peoples were native speakers of the relict dialects of the prehistoric language continuum. In the first half of the I m. B.C. the Hellenes dominated in the Aegean region, but the relict Aegean peoples lived in the neighborhood.

Key words: the Indo-European homeland problem, the prehistoric language continuum, the Aegean region, the Indo-European proto-language, the Neolithic archaeological cultures.

⁴⁷ Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica*. 4. София, 1980. С. 5–76; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпафийской зоне // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 19–23; Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 200–210; Тодорова Х., Вайсов И. Новокаменната епоха в България (края на седмото – шестото хилядолетие преди новата ера). София, 1993. С. 15–93.